

⁶ См.: Абдулхин. Последнее слово ислама Европы // Туркестанские ведомости. № 4. 1911, или Сотрудник. № 40, 42, 44. 1911.

⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 556. Л. 4.

⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 556. Л. 2.

⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 556. Л. 5.

¹⁰ Витевский И.И. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.2. Казань, 1897. С. 345, 350.

¹¹ ГАСО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 195. Л. 320.

¹² Там же. Ф. 697. Оп. 1. Д. 10. Л. 20–21.

¹³ Булгаков С.Н. У стен Херсониса. Диалоги. // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: в 2 т. Т. 2. Статьи работы разных лет. 1902–1942. М., 1999. С. 396–397.

¹⁴ Там же. С. 399–400.

ВКЛАД ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УРАЛА В РАЗВИТИЕ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ

*Л.Я. Баранова
(Екатеринбург)*

Историк и философ: от диалога до диспута

Традиционные научные конференции по проблемам культуры, образования, интеллигенции, проводившиеся в г. Свердловске под руководством Проблемного совета по вопросам культурного строительства в СССР и его председателя В.Г. Чуфарова, всегда привлекали значительное число ученых их разных регионов страны. Можно перечислить множество составляющих успеха и популярности этих конференций (уровень организации, своевременные публикации тезисов и т. д.), но с уверенностью можно утверждать, что одной из них было участие в научных мероприятиях уральских философов и в первую очередь А.Ф. Еремеева и Л.Н. Когана. Оба они были яркими личностями, известными учеными, блестящими ораторами. Выступления обоих запоминались своей эмоциональностью, оригинальностью. Особенно в памяти запечатлелись встречи на пленарных и секционных заседаниях по проблемам интеллигенции с Л.Н. Коганом, который всегда так интересно выступал, так остро ставил вопросы и проблемы, что слушатели тут же вступали в бурные споры с докладчиком и друг с другом. Особую пикантность и остроту этим событиям придавали дебаты между В.Г. Чуфаровым и его другом, коллегой Л.Н. Коганом. С одной стороны Владимир Григорьевич – председатель Проблемного совета, заведующий кафедрой истории КПСС, лектор Свердловского обкома партии, т.е. человек обязанный проводить в жизнь партийное руководство в области

духовной жизни советского общества. С другой стороны – тоже член партии, но Лев Наумович больше себя позиционировал с личностью, критикующей многие положения партийно-государственной политики. Наблюдать их споры, общение было чрезвычайно интересно и поучительно.

В конце 80-х – начале 90-х гг. дискуссии приобретают все большую остроту, достаточно вспомнить работу «круглого стола» в 1991 г. (еще существует СССР и власть принадлежит КПСС, только что в открытой печати появились работы Солженицына и Бердяева и т.д.) по проблемам методологии изучения истории советской культуры. В моем личном архиве сохранились некоторые конспекты выступлений на конференциях историков, философов, в том числе и Л.Н. Когана. Его выступление по проблемам интеллигенции было частично опубликовано в 1991 г. в газете «Уральский университет». По моему мнению, современному читателю будет интересно вернуться к этим дискуссиям, почувствовать дух того времени, понять, что тезисы типа «ученые советского периода были зажаты идеологическими тисками» не совсем состоятельны. Для исследователей истории российской интеллигенции работа Л.Н. Когана может стать интересным источником при изучении облика и мировоззрения советского интеллигента конца эпохи СССР, его представлений о будущем России.

Л.Н. Коган. «Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества»

В советской научной литературе до последнего времени определение интеллигенции считалось твердым и неизменным: это общественный слой людей, профессионально занятых высококвалифицированным умственным трудом. Наряду с рабочим классом и крестьянством интеллигенция рассматривалась как составная часть социальной структуры нашего общества. Однако в определенных кругах самой интеллигенции из поколения в поколение понятие «интеллигенция» связывалось с представлением о широком, многостороннем развитии личности, высокой образованности и общей культуре, бескорыстии, нравственных качествах и главное – о почетной миссии каждого интеллигента – быть разумом и совестью общества. При таком подходе качеством интеллигентности обладали далеко уже не все специалисты, а сравнительно узкая духовная элита общества. Что же все-таки представляет из себя интеллигенция? Для понимания изначального, не искаженного идеологией тоталитарного режима смысла этого понятия следует обратиться к дискуссиям об интеллигенции в дореволюционной России.

Не будем заниматься датировкой понятия «интеллигенция» (производного от латинского «intelligere» – знающий, понимающий,

разумный) в пореформенной России. Его можно встретить в трудах историка В.О. Ключевского, писателей П.Д. Боборыкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева. Это слово не может быть точно передано на иностранные языки и не тождественно таким понятиям как «специалист», или «интеллектуал». Да и в самой России этот термин получил широкое распространение только на рубеже XIX и XX веков, хотя уже в то время единства в его толковании не было. С определенной долей условности можно выделить, по крайней мере, четыре его основных толкования. Народники подходили к интеллигенции, прежде всего, как к идеологической группе. Известный философ П.Л. Лавров противопоставляет интеллигенцию и «дикарей высшей культуры» – владельцев университетских дипломов, но обскурантов по своим взглядам. Главную особенность интеллигента он видит в его служении прогрессу, интеллигент – критик существующих порядков, борец за новое, критически мыслящая личность. Близкие к народничеству философы и публицисты Н.К. Михайловский и Р.В. Иванов-Разумник, развивая эти идеи, главной чертой интеллигенции считали ее ответственность перед народом, служение народу.

У философов, близких к журналу «Вопросы философии и психологии» и придерживающихся религиозной антропологии, акцент в определении интеллигенции смещается в сторону этики. Так, С.Л. Франк в статье, опубликованной в нашумевшем сборнике «Вехи», рассматривает ее как «особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, со своим этикетом, со своими нравами, обычаями, почти с собственной культурой»¹. Интеллигенция, по мнению «веховцев», теряет свою роль в обществе – более того, становится негативной силой, если она отходит от Бога, проповедует атеизм и отрывание государственности. Именно нравственные и религиозные начала, считали они, составляют основу интеллигентности. По словам Н.А. Бердяева, к интеллигенции «...могли принадлежать люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом, вообще не особо интеллектуальные»². Назовем такой подход к интеллигенции религиозно-этическим.

Идеологи, близкие к конституционным демократам, главное внимание обращали на общественные функции интеллигенции, на ее общественную активность. П.Н. Милюков рассматривает интеллигенцию, как «внутренний круг» людей, проявляющих инициативу и активность. Этот круг выделяется из «большого круга» образованных людей³. Известный русский библиофил и социолог Н.А. Рубакин писал: «Особенно ценны для нас те образованные люди, у которых есть отзывчивость, сила чувства, энергия, воля, – те, кто умеет проникнуться до самых своих основ духом общественности. Этих-то и только этих образованных людей мы можем назвать людьми интеллигентными в высшем смысле этого слова»⁴. Условно назо-

вем это направление функциональным. Заметим, что общее у всех перечисленных выше групп заключалось в выделении интеллигенции из общего слоя людей умственного труда.

Как же подходили к интеллигенции русские марксисты? Естественно, они не могли принять господствующее определение интеллигенции, ибо это значило бы заменить идею о руководящей роли рабочего класса в обществе идеей мессианства интеллигенции. В 1904 г. в книге «Шаг вперед, два шага назад» В.И. Ленин писал: «Я перевожу словом интеллигент немецкие выражения *Literat*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий, вообще, представителей умственного труда (*brain Worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда»⁵. Именно отсюда и пошло господствующее у нас долгие годы определение интеллигенции. Между тем приведенный выше отрывок вызывает ряд недоуменных вопросов.

1. Зачем было определять слово «интеллигент» путем перевода немецких и английских терминов, если это слово родилось в России, а на западе, по свидетельству французского социолога В. Гарос, оно появилось после 1920 г., как заимствование из русского языка?

2. Как можно немецкое слово «*Literat*», которое означает «литератор», переводить как «совокупность всех образованных людей»?

3. Не ясно, почему ставятся через запятую столь различные понятия, как: образованные люди, представители свободных профессий и люди умственного труда: ведь не все образованные люди заняты умственным трудом, а далеко не все занятые умственным трудом являются людьми свободных профессий (т.е. не работающих по найму).

Как видим, ленинское определение интеллигентности (назовем его социально-структурным) изначально содержало в себе целый ряд противоречий. Характерно, что сам В.И. Ленин в статье памяти И.В. Бабушкина говорит о появлении «интеллигентных рабочих», т.е. приходит фактически к нравственно-интеллектуальному пониманию интеллигенции. Однако в остальных случаях для Ленина слова «интеллигент», «образованный человек» и «специалист» были синонимами⁶.

Во всех традиционных подходах к интеллигенции (идеологическом, религиозно-этическом, функциональном) интеллигенция рассматривалась как некая замкнутая и единая по своему составу духовная элита общества. На деле же со времени своего возникновения российская интеллигенция никогда не знала единства: внутри ее были серьезные расхождения не только по этическим, религиозным и научным проблемам, но и по самым коренным политическим и социальным оценкам настоящего и будущего страны. Прав был

В.В. Воровский, который сравнивал ее со своеобразным «идейным парламентом», в котором идет непрерывная борьба разных идейных позиций⁷. Такого расслоения интеллектуалов не знала ни одна из стран Запада. При этом тонкий слой российской интеллигенции был оторван, отчужден от народа, плохо представлял действительные его интересы. Трагедия ее заключалась и в отсутствии в России развитого среднего класса, на который она могла бы опереться, в сознании основной массы рабочих, городского мещанства, а тем более крестьян интеллигент чаще всего представлял как «барин».

Крайне слабыми были и связи русской интеллигенции с многочисленной и только переживающей период своего становления интеллигенцией других народов России. При наличии поистине блестящей плеяды великих людей, прославивших русскую культуру в годы так называемого «серебряного века», общий уровень культуры народа (даже уровень элементарной грамотности) оставался еще очень низким. Поэтому речь должна идти не только о немногочисленности самой интеллигенции, но и о страшной ограниченности той «питательной среды» в обществе, на которую она могла бы опереться. Трагедия чеховских доктора Астрова и дяди Вани – «двух интеллигентных людей во всем уезде» в известной мере была типична для всей интеллигенции.

Все эти обстоятельства не только объясняют раскол интеллигенции после революции, но и сравнительную быстроту ликвидации старой российской интеллигенции в первые периоды советской власти. Наряду с утопической научной теорией создания на «пустом месте» новой пролетарской социалистической культуры в течение 15–20 лет тоталитарным режимом выдвигалась столь же утопическая теория создания «новой» социалистической интеллигенции в такие же короткие исторические сроки. Интеллигенция создается рядом поколений на основе традиционной национальной преемственности, а не по указанию «сверху». К тому же административная система не нуждалась в подлинно интеллигентных людях, не доверяла им и боялась их. Она последовательно выполняла «социальный заказ» И.В. Сталина, сформулированный им в беседе с украинскими писателями в феврале 1925 г.: оборона страны зависит «...от культурности населения, от того, каков будет наш солдат, разбирается ли он в элементарных понятиях культуры, может ли он пользоваться, например, компасом, разбирается ли он в картах, есть ли у него примитивная грамотность, культура, чтобы он мог понять приказы»⁸. Подчеркнем, речь шла именно о примитивной грамотности и элементарной культуре.

Благодаря репрессиям, казням, ссылкам и лагерям, эмиграции (в том числе и вынужденной) к концу 1930-х гг. старой интеллигенции уже фактически не осталось, а большое количество подготов-

ленных специалистов не могло ее заменить. Уже после школьной реформы 1920 г. из программ средней школы были изъяты древние языки, право, философия, закон божий, а количество часов на изучение иностранного языка сократилось с 928 до 272. Высшая школа была лишена гуманитарных дисциплин и готовила узких специалистов.

Все люди, получившие высшее, среднее специальное образование, а также «практики», не имеющие специального образования, но занятые умственным трудом, механически зачислялись в интеллигенцию. Но при этом обратим внимание на «маленькую хитрость»: ни в одном статистическом справочнике нет данных о количестве интеллигенции, есть только цифры о числе специалистов.

Значило ли это, как утверждают А.И. Солженицын и ряд других представителей «русского зарубежья», что в стране сегодня вообще нет интеллигенции? Такой вывод был бы явно ошибочный. В том-то и заключалась животворная сила народа, что вопреки тоталитарному режиму интеллигенция продолжала воспроизводиться, хотя в очень малом количестве! Я имею в виду не только таких «маяков» нашей интеллигенции, как С. Аверинцев, П. Капица, Д. Лихачев, А. Сахаров и др., но и подлинных интеллигентов на предприятиях, в высшей школе, в учреждениях искусства и т.д. Скажем, в Уральском университете работали такие люди, как С. Вонсовский, Н. Красовский, А. Мокронос, В. и Н. Адамовы, Б. Коган, Б. Павловский и др., которых справедливо считают образцами действительной интеллигентности. Именно интеллигенция создала и развила «культуру протеста», противостоящую культуре тоталитарного режима.

Кого же мы относим к интеллигенции? Очевидно, далеко не всех специалистов. Специалисты - социальная группа общества, это люди, занятые профессиональным умственным трудом, т.е. группа, сложившаяся на основе объективных формальных признаков. Иное дело интеллигенция - это оценочная категория, характеризующая качественные особенности личности, определенный тип мышления и поведения. Это люди, высокая интеллектуальная культура которых сочетается с высокой нравственной культурой, с подлинной духовностью, с бескорыстным служением народу, Родине. Можно быть прекрасным, высококвалифицированным специалистом, но не сделаться интеллигентом. Д.С. Лихачев писал: «Я встречал настоящих интеллигентов среди самых простых людей, а не интеллигентов - среди академиков. Интеллигентность - есть свойство ума понимать другого»⁹.

Интеллигентность - не звание, не ученая степень, это общественное признание, а категорически не могу согласиться с А.И. Солженицыным, назвавшим наших специалистов «образован-

цами»¹⁰. Конечно, такие среди них есть, но есть и немало признанных мастеров своего дела, хотя далеко не все эти мастера – интеллигенты. Интеллигента отличает постоянное нравственное и духовное самосовершенствование, постоянная неудовлетворенность собой, результатами своего творчества. Интеллигенция – не социальная группа, а духовная элита общества. Не надо бояться этого слова. Интеллигенция – не замкнутая секта, не орден: путь в нее открыт для каждого, кто неустанно работает над своим развитием. Интеллигенция – хранитель и носитель социальной памяти, социального опыта народа, его лучших традиций. Без возрождения и дальнейшего развития этой духовной элиты Россия не сможет стать цивилизованным обществом.

С демократизацией жизни страны появились условия, способствующие росту интеллигенции: свобода выражения своего мнения, гласность, свобода критики, восстанавливается диалог с культурами других стран, постепенно (хотя и медленно) начала меняться система образования: возникли гимназии, лицей, «свободные университеты» и т.д. Однако засилье неизбежного в тяжелых условиях перехода к рынку практицизма, бедность, озлобленность, разгул преступности, кризис семьи и нравственного воспитания становятся серьезнейшими препятствиями. До сих пор сохраняется пренебрежительное отношение к культуре и образованию как к «второстепенным» социальным структурам. «Невостребованность» таланта, бедность, угроза безработицы приводят к утечке «умов», эмиграции немалого числа талантливых молодых людей. В условиях, когда зарплата профессора ниже, чем водителя автобуса, вряд ли у многих появится стремление к духовному развитию.

При всех трудностях и противоречиях переживаемого нами сложнейшего исторического периода можно все же с верой и оптимизмом смотреть на будущее российской интеллигенции. Думается, что реальный переход к рынку сможет ускорить процесс возрождения интеллигенции. Новым государственным, кооперативным и частным предприятиям и фирмам, несомненно, потребуются талантливые, нестандартно мыслящие специалисты, хорошо знающие мировой опыт. Повышение образования и культурного уровня народа создаст потребность и в духовных наставниках. Словом, можно надеяться, что в обществе, наконец, возникнет потребность в интеллигентных ученом, предпринимателях, администраторах, рабочих, фермерах, деятелях искусства. Интеллигенция призвана быть инициатором творческого диалога в обществе, конструктивной критики тех или иных положений, норм, социальных институтов, но отнюдь не деструктивной силой, провоцирующей социальные и межнациональные конфликты. Она станет носителем и пропагандистом вечных общечеловеческих ценностей.

Примечания

- ¹ Вехи. Сб.ст. о русской интеллигенции. Изд. 2-е. М., 1909. С. 204.
- ² Н.А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.
- ³ Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб., 1910. С. 94.
- ⁴ Н.А. Рубакин. Письма к читателям о самообразовании. СПб., 1913. С. 41.
- ⁵ В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 309.
- ⁶ Там же. Т. 36. С. 59. Т. 38. С. 55–56, 142–143; Т. 35. С. 201 и др.
- ⁷ В.В. Воровский. Сочинения. М., 1931. Т. 2. С. 14.
- ⁸ Искусство кино. 1991. № 5. С. 134.
- ⁹ Д.С. Лихачев. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1988. С. 181.
- ¹⁰ А.И. Солженицын. Образованщина. Новый мир. 1991. № 5.

*Т.Л. Большакова
(Оренбурге)*

Вклад Л.Н. Большакова в развитие культуры Урала

Имя Леонида Наумовича Большакова (1924–2004) уральскому читателю известно. Начиная с 1959 и вплоть до начала 1990-х гг. очерки и журнальные варианты почти всех значительных произведений оренбургского литературоведа регулярно публиковались на страницах журналов «Урал» и «Уральский следопыт», в альманахе «Уральский библиофил»; его книги почти ежегодно выходили в Челябинске, он был членом редколлегии журнала «Урал», редактором-составителем нескольких выпусков литературно-краеведческих сборников «Рифей» и «Каменный пояс», являлся одним из инициаторов и первых организаторов «Бирюковских чтений».

Леонид Наумович Большаков родился 1 января 1924 г. на Украине, в Сновске – небольшом городке Черниговской области. Здесь перед самой войной будущий писатель окончил среднюю школу, здесь же начался его путь в литературу. В начале 1941 г. на страницах черниговских и киевских газет стали появляться его заметки, рецензии, даже стихи, а через некоторое время и первые статьи литературно-краеведческого характера, посвященные Глебу Успенскому, Михаилу Коцюбинскому и другим писателям, чья жизнь в какой-то мере была связана с Черниговым.

Затем была война, эвакуация, и в начале 1942 г. Л.Н. Большаков вместе с матерью (отец умер за год до войны) оказался в Оренбуржье. Более 20 лет будущий писатель и ученый работал в городской газете «Орский рабочий», пройдя путь от учетчика в отделе писем до заместителя главного редактора. С 1962 г. и до самой смерти Л.Н. Большаков жил и работал в Оренбурге.

За свою шестидесятилетнюю творческую жизнь Л.Н. Большаков сумел познакомить читателей со многими неизвестными стра-